

Вторникъ, 9-го Августа 1916 г.

3

# Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами  
и либретто петроградскихъ театровъ

№ 3187.

## Объ инсценировкахъ.

Что такое инсценировка?

За послѣднее время вопросъ объ инсценировкахъ получилъ неожиданную остроту. Нашимъ читателямъ, конечно, памятливыя выступления по этому поводу г. Баласа и г. Бенгтовича и послужившія причиной этихъ выступлений «походъ» г. Дольскаго, неожиданно заявленнаго авторскія права на музыкальное стихотвореніе.

Претензія г. Дольскаго многихъ насмѣшила, а другихъ удивила. Въ защиту его заявляли, что г. Дольскій былъ вправе занять свои права на «Вѣщаго Олега», ибо это былъ «Олегъ» не простой, а инсценированный.

Но, повторимъ нашъ вопросъ.—что же въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ считать инсценированнымъ произведеніемъ?—т. е. такимъ произведеніемъ, которое уже отпадаетъ въ значительной части отъ своего прежняго автора и переходитъ во власть къ автору новому?

Всѣ мы прекрасно знаемъ, что существуютъ переложныя для сцены драмы, комедіи, повѣстей и т. п. Переложилъ «Идіотъ» Достоевскаго, «Бѣсы» его же, «Дворянское гнѣздо» Тургенева, и т. д. Далѣе, намъ известны и болѣе сложные переложныя чужихъ произведеній—превращеніе ихъ въ текстъ опернаго произведенія (либретто). Таковы «Веленій Овчинникъ», «Пиковая дама» и множество другихъ всѣхъ известныхъ оперъ. Первоначальный авторъ здѣсь уступаетъ мѣсто автору вторичному, т. е. либреттисту и композитору.

По поводу этихъ переложень, кажется, никогда не возникало никакихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Но съ теченіемъ времени возникъ новый видъ переложень чужихъ произведеній. Распространенію этого вида содѣйствовали театры миниатюръ, столь расплодившіеся за послѣднее время. Конструкція этихъ новыхъ «сценическихъ произведеній» до крайности упрощена: берется цѣликомъ или частями произведеніе какого-нибудь очень популярнаго автора и переносится на сцену подъ сѣнь декораций (по декорации необязательны)! Иначе говоря, обычный концертный «номеръ»—что-нибудь литературнаго произведенія,—превращается въ самостоятельное сценическое представленіе. И гонораръ, который получало бы при обычномъ исполненіи въ порядкѣ концерта дѣлать въ подлинному автору произведенія, переходитъ при посредствѣ этого хитраго прома въ карманъ того лица, которое догадалось «инсценировать» чужую вещь.

Такова схема новыхъ упрощенныхъ инсценировокъ. Конечно, въ однихъ случаяхъ сѣнь извѣстнаго болѣе одобряются разными украшеніями, въ другихъ случаяхъ извѣстнаго меньше. Но суть остается та же: использование чужихъ произведеній, чужихъ текстовъ для своихъ корыстныхъ цѣлей.

Такимъ манеромъ, «въ порядкѣ инсценировки» прошло уже немало произведеній нашихъ великихъ писателей. Прошли они подъ чужимъ флагомъ совершенно открыто и не вызывая протестовъ. Но намъ кажется, что если протестовъ и не было, то только потому, что никому протестовать. Въ самомъ дѣлѣ, кто заступится теперь за авторство

Пушкина (не говоря о томъ, что юридически взымались авторскія права) или за авторство Лермонтова и Гоголя? За нихъ можно заступиться только платонически. Но уже гораздо сложнее дѣло обстоитъ съ псевдонимными писателями поздравляемыхъ — напримеръ, Чехова, и здѣсь всегда возможны самыя острые недоразумѣнія и осложненія.

Намъ кажется, что Союзу драматическихъ писателей подобало бы относиться такъ легко и просто къ подобнымъ «театральнымъ зрѣлищамъ», какъ оно отнеслось къ «Олегу» Дольскаго. Умѣсто ли брать подъ свою защиту произведенія, въ которыхъ все отъ Пушкина и ничего отъ новаго автора, если не считать «видим» декламации пушкинскаго стихотворенія въ лицахъ съ вставными «подстрочными примѣчаніями»? Мыслимо ли ставить на одну доску и настоящаго автора и перваго въспрыскаго остроумца, снабженнаго съ особыми прибаутками и ухарскимъ ирреверсивомъ прошенамировать его произведеніе? Неужели прибаутки и присвистъ и ваюгѣхъ поставленная декорация могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для возникновенія новаго авторства, или соавторства?

Намъ кажется, что не мѣшало бы внимательнѣе относиться и къ псевдонимамъ и подобно не давать имъ защиты въ немногихъ и многихъ случаяхъ.

**Б. Никонъ.**